

ДВИЖЕНИЕ

— Каждый человек рождается вовремя, — Мильтинис говорит резко, будто продолжает давно начатый спор. — Ненавижу, когда ноют... «Жил бы я сто лет назад»... «Вот бы увидеть, что будет через двести»... Ерунда! Время всегда интересно и уникально для художника. Надо активно жить в сегодняшнем дне — без этого не шагнуть в будущее...

Сейчас, на бумаге, эти слова, возможно, звучат немного выпендрено. На самом деле Мильтинис ничего не «изрекает». Он вообще не умеет говорить нейтрально: загорается, сердится, ищет точные формулировки, веские аргументы и требует такой же активной заинтересованности от того, с кем разговаривает.

...В сущности в этой ситуации всегда есть нечто затруднительное. Приходишь к занятию, уважаемому человеку и объявляешь: необходимо узнать его мысли об искусстве. Больше того — о жизни. И не просто мысли, а сокровенные, интересные. И не просто узнать, а записать, обнародовать.

— Смогу ли сразу сказать о главном? В своем деле не знаю безусловных истин. — Об этом сомнении главный режиссер Паневежского драматического театра народный артист СССР Юозас Мильтинис предупредил еще по телефону и подтвердил при встрече. Но все же признался:

— А знаете, я очень обрадовался звонку из редакции... Прошел год после гастролей в Москве, но все еще трудно вспомнить. Какой был праздник... Экзамен. И урок! Появиться на сцене, где ходил Станиславский, — такая ответственность для нашего маленького театра. И вдруг — такая тишина в зале, такое заинтересованное внимание. А ведь мы играли на незнакомом большинству зрителей литовском языке. Московскую публику артисты всего света называют самой доброжелательной в мире. Это так и есть. Но меня поразило другое. Эмоциональная подвижность зрителя. Его творческое участие в спектакле. Его, как бы поточнее выразиться, педагогический талант! Ой..

Когда Мильтинис говорит не по-литовски, ему всегда как будто страшно, вдруг собеседник не до конца поймет, и он старается отыскать в памяти все синонимы, добросовестно выученные им в русском языке. «Ой» — значит нашел самый нужный из синонимов, и обычно за этим «Ой» следуют смысловая точка и резкая смена темы разговора. настолько резкая, что кажется, нить уже потеряна. И всякий раз поражаешься, когда он внезапно отвечает на вопрос, заданный час назад или даже вчера.

Восхищение московским зрителем — не просто ответная вежливость. Прошлогодние гастролы на сцене филиала МХАТ — его радость и его тревога, в чем Мильтинис признается, очень откровенно

но — вопреки молве, приписываемой ему сдержанность. Но признается позже, при расставании. Пока же говорит о другом. Впрочем, о другом ли?

— Завелась, знаете, сейчас новая мода. Художника, да и не они одни, ездят в Ницу — слышала о таком местечке на нашем побережье? — искать сухие корни, выброшенные когда-то морем. Почерневшие, причудливые, они украшают теперь квартиры, мастерские, даже стенды выставок. И как думаете: какие корни пеняются? Только те, что напоминают живо! Похожие очертаниями на человека, птицу, зверя и вообще несущие сходство, пусть неуловимое, — ритмическое, пластическое — с чем-то из живой природы. Вот где парадокс! В искусстве жизнь порой выхолащиваем, а в мертвой породе — дружно ищем гармонию жизни. Ой..

— Нет-нет, абстракционистов я вообще художниками не считаю. Они жизнь не любят, им все равно, им все едино. Это своего рода бизнес, спекуляция на определенных эстетических вкусах. Допускаю, что и у абстракционистов могут быть частные находки в области формы, стиля. Но форма сама по себе — далеко еще не искусство. Творчество — это прежде всего изучение жизни, постижение смысла течения жизни, стремление выявить и сохранить этот смысл.

— Немногим лучше и другая крайность, когда художники рабски копируют предметы и вещи, окружающие нас в обиходе. Зачем? Не понимаю. Этим грешит не только живопись. Копируем, «переиздаем» жизнь и мы — в плохих песнях, спектаклях, лишенных поэтического осмысления сути жизни...

— Все-таки искусство — обязательно возвышение над обыденностью. Иначе оно не имеет смысла. Театр тем пахнет, его этические функции неотделимы от эстетических. Ведь людей влечет в театр стремление уйти от повседневности, пусть даже эта тяга не всегда осознанна. Когда герой драмы совершает нравственно красивый поступок, человек в зрительном зале невольно «примеривает» этот поступок на себя. Искусство способно — хотя бы на миг — поднять человека на такие высоты, куда он, возможно, никогда сам бы не поднялся.

...Листая сейчас блокнот недолгого путешествия — из Вильнюса в Шяуляй, где гастролитовский театр, а потом в сам Паневежис, — ищу связующую нить в записях наших многочасовых разговоров. В Юозасе Мильтинисе есть, кажется, все, чему положено быть у «знаменитости», включая неприменную рассеянность, из-за которой мы опоздали на спектакль в Шяуляе. В нем покорила детское любопытство и спокойная осенняя мудрость, пылкость, подвижность и жестокая самодисциплина. Но все это — во-вторых. Во-первых — Мильтинис — че-

ловек идейный. Он знает, зачем живет, во имя чего работает. Его, учившегося в Париже, Лондоне, владеющего семью языками, следящего за всеми новинками по литературе, истории, философии, искусству, филологии, — вполне удовлетворяет жизнь и работа в тихом, маленьком городке.

— Главное — не потерять идеалы. Театр принято называть коллективом единомышленников. Не знаю... Предложил бы другую формулу — коллектив художников с общими идеалами. Пути в искусстве бывают очень разными. Важны цели и результаты. А цели — они ведь у нас едины, и для академических, и для местных театров. Воспитание человека будущего, приобщение зрителя к богатствам мировой культуры — вот наша общая задача.

— Любовь к искусству у профессионала — способность и готовность к работе. Согласен с Горьким, предлагавшим заменить слово «творить» словом «работать». Мой противник в искусстве — барин. Принадлежит ли театру, это — артист-барин. Завелся среди нашего брата этакий благополучный, декоративный мэтр. Сытый. Сонный. Не говорю уж — пьяный или с похмелья — этого не терплю. Алкоголь для артиста должен быть исключен, как для профессора, — это требование профессиональное. Я на слух определяю, кто из актеров вчера усердно «праздновал»: голос делается болным. А голос без физического здоровья теряет теплоту, утрачивает психологизм...

— Под термином «артист-барин» имеется в виду человек не только физически размазанный. Духовная сытость, интеллектуальный застой. Если режиссер — создатель художественного мира — объединяет в себе прошлое, настоящее и будущее, то актер — живая плоть этого мира. Поиск жизни в сухом корне — не для него. Окружающая действительность с ее острыми углами, с ее динамизмом — вот что конденсирует актер. Его должно снестись любопытство к живой реальности, к человеку. Мне кажется, будущее театра во многом зависит от воспитания такого нового артиста. Надеюсь, на меня не обидятся артисты-труженики. Большинству из них, особенно в маленьких театрах, подобных Паневежскому, приходится работать с постоянными перегрузками, и грешно было бы их упрекать в этом. Но ведь никто не запретит помечтать. Мы же сегодня говорим об идеале...

— Разрыв между желаемым и достигнутым всегда велик. Наш коллектив уезжал из Москвы, знаете, с какой тревогой... — вот Мильтинис и вернулся к разговору о гастролях. — Ведь понимаем (я не случайно назвал педагогический талант зрителя), что нас восприняли такими, какими хотели видеть. Теперь надо показать этот предполагаемый уровень нашего искусства.

Это так страшно, когда в тебя верят...

Неспокойная совесть — качество, неотделимое от Мильтиниса. Казалось бы, чего ему беспокоиться? Вроде все есть: известность, почести, сбывшаяся мечта — свой театр. Больше того: труппа состоит только из его учеников. Каждой осенью Мильтинис набирает молодых и сам их учит, воспитывает. Формально студии нет, но школа Мильтиниса есть. Даже такой актер, как Донагас Банионис, пришел в искусство из этой неофициальной «академии». Кстати, не мешает ли театру мировая популярность Баниониса? Последовал ответ: «К работе артистов в кино отношусь спокойно. Как требует жизнь. В конце концов популярность Баниониса — это популярность и нашего театра, и нашей республики. Артист он очень требовательный к себе, дисциплинированный. А высокая творческая дисциплина в художественном коллективе — это основа основ».

Итак, первое впечатление от Паневежиса и от Мильтиниса может остаться совершенно идиллическим. Однажды родился человек с талантом режиссера. Он, правда, долго скитался по свету, много, даже очень много учился, работал, но, наконец, создал свой театр. Затем все — совсем как в сказке. Для его труппы выстроили замечательное здание — лучшее в Литве, а может быть, не только в Литве. А уж потом вокруг театра разбили аккуратный, миниатюрный городок. И ходит теперь по нему как творец его — шестидесятивосьмилетний мастер. Седой, степенный.

Но все оказывается не совсем так. Город построили гораздо раньше, только высотное здание гостиницы действительно не случайно вынуждены были соорудить рядом с театром: гости «к Мильтинису» едут со всего мира. И вот он показывает красивое фойе, гигантскую удобную сцену, уютный, в серых тонах зрительный зал. Чаще всего в его пояснениях звучит слово «будет». Здесь будет еще одна мастерская. Здесь — гараж. Здесь, в фойе, когда начнется сезон, будут, как всегда, стенды различных выставок; свою просветительскую миссию театр видит и в пропаганде достижений других видов искусства.

Вот только поставить бы «Иванова» — любимую пьесу. Пока мировая драматургия, считает Мильтинис, выше Чехова не поднялась. В мире Чехова человек думает: «Кто я? Почему я? Зачем? Что оставлю после себя?» Театр, правда, эту пьесу уже ставил. Говорят — успешно. Но режиссер считает, что «Иванов» — еще впереди.

Мы прощаемся. Он уходит по осенней улице, сосредоточенно шевеля палкой желтые листья. Он спешит. Сегодня в отдаленном районе — выездное представление. Зачем бы ему ехать на старый спектакль? В театре привыкли: если занавес открылся — Юозас Мильтинис в зале, на обычном своем месте.

Г. КОЖУХОВА.

(Спец. корр. «Правды»).
г. Паневежис,
Литовская ССР.